

От поэтов веков минувших нам остались стихи и поэмы, от музыкантов — оперы и симфонии, от художников — картины и рисунки, а от исполнителей: дирижеров, хормейстеров, певцов — остаются лишь воспоминания современников. Лишненные возможности судить об их искусстве, мы не испытываем к ним особого интереса. И зря. Мне не раз попадалось в мемуарной литературе имя князя Юрия Голицына, которого называли крупнейшим хоровым дирижером своего времени. О нем восторженно отзывались А. И. Герцен, композитор Серов, Тучкова-Огурева, виднейшие музыкальные критики середины прошлого века. Он присутствует в энциклопедиях как неутомимый пропагандист русской хоровой народной песни, с которой познакомил Запад. Захотелось, я принялся отыскивать его следы, и передо мной обрисовалась своеобразнейшая фигура. Самое удивительное, что он сохранился в семейных преданиях старожилов.

В исходе своей бурной жизни проделав долгий путь из князя в ремесленника музыкального цеха (слово «профессионала» тогда еще не применялось к музыкантам), он с полным правом мог сказать: «Я не был рожден помещиком. И, конечно, однажды принятого решения я никогда не изменю и останусь тверд в намерении моем — жить собственным трудом». Слово свое он сдержал. Главу из посвященной ему повести предлагаю вниманию читателей «Литературной России».

Полностью моя повесть выйдет в журнале «Наш современник». АВТОР

ЕЩЕ до появления Голицына в Лондоне Герцен оказал ему дружескую услугу. Весь книжеский штат — регент, слуги и приживалы — явился в Лондон раньше князя. Следуя его наезду, они взяли дешевые номера в гостинице и стали ждать приезда своего сюзерена. А тот, как мы знаем, не торопился: разъезжал по Африке, завтракал и пил шампанское, обедал с герцогами Орлеанского дома, наблюдал обычай и привык Египта, осматривал пирамиды и Суэцкий канал, пел под фиц-гармонью, покупал крокодилов и вообще наслаждался жизнью после козловского заточения. Люди князя вконец зажились, им нечего было платить за гостиницу, и хозяин грозил отдать их под суд. А пока что подверг домашнему аресту, забрав для верности у мужчины сапоги. Имя Герцена как защитника севших на мель русских было известно этим bedным людям, регент выбрался из узилища и без сапог притопал к Герцену с мольбой о спасении. Герцен хорошо знал хозяина гостиницы и поручился за своих земляков. Минуло какое-то время, и к его дому подкатил роскошный выезд, серые в яблоках рысаки лиху осадили у подъезда. Из экипажа вышел «огромный мужчина, толстый, с красивым лицом ассирийского бога-вола», и заключил Герцена в объятия, благодаря со слезами за помощь, оказанную его слугам.

Странные отношения сложились у этих, таких русских и во всем разных людей. Голицын откровенно и шумно преклонялся перед Герценом, а тот, стоило ему расположиться к Голицыну, тут же сталкивался с очередным фанфаронством, хвастовством, «гигантством», чего на дух не переносил, и симпатия (порой восхищение) сменялась довольно злой иронией. Голицын это чувствовал, но был не из тех, кто приспособливается к другим людям, даже высокочтимым. А поводов к раздражению он давал предостаточно. Так было, когда у герценовского подъезда заряжали серые в яблоках жеребцы, так было, когда Герцен обнаружил, что на афишах Голицын поименован «Его королевское высочество». В последнем Юрга был не виноват. У англичан титул князя соответствует принцу, а принцами были лишь особы королевской крови. Поэтому и стал Юрга «королевским высочеством». После тщетных попыток убедить детей Альбиона, что он не принадлежит к царствующему дому, Голицын махнул рукой, предоставив англичанам величать его как заблагорассудится. Понятно, что каждому импресарио хотелось иметь на афише «королевское высочество», что сулило хорошие сборы. А Герцену это представлялось дурного тона рекламой, самозванством и низкопоклонничеством перед царской фамилией.

Голицын во многом повторял судьбу Герцена: был в ссылке, бежал, ладил новую жизнь на чужбине, но требовательный и непримиримый Искандер был чужд снисходительности. Все менялось, когда наступала музыка: «Концерт был великолепный.

Да ли

ДАЛИ

ИСКУССТВА

Юрий
НАГИБИН

ДИРИЖЕР

ЮРИЙ ГОЛИЦЫН

Как Голицын успел так подготовить хор и оркестр, это его тайна — но концерт был совершен из ряда вон. Русские песни и молитвы, «Камаринская» и обедия, отрывки из оперы Глинки и из Евангелия («Отче наш») — все шло прекрасно». Но и тут Герцен не удергивается от насмешки: «Дамы не могли налюбоваться колосальными мясами красивого ассирийского бога, величественно и грациозно поднимавшего и опускавшего свой скрипет из слоновой кости».

И скучая на похвалы Тучкова-Огурева, с мнением которой он очень считался, восторженно отзывалась о голицынских концертах. И все-таки предубеждение оставалось. Но если у князя случались неприятности, а наживать Голицын был великий мастер, Герцен приходил на помощь. Так было, когда «взбунтовался» вывезенный из России регент, личность весьма противная. Герцен удивительно точно разобрался в запутанной истории и, хотя по наклонностям своим всегда брал сторону слабого против сильного, бедного против богатого, был покорен простодушной, даже наивной манерой князя, явившего сквозь все громы и молнии совершенное беззлобие, неожиданный демократизм и чисто русскую широту. Сочувственно рассказав об очередной незадаче князя — сквозь насмешливую интонацию пробиваются больше, чем симпатия — любование игрой богатого характера,

— он дальше с необъяснимым злорадством сообщает, что Голицын «...всем задолжал, угодил в тюрьму, и полисмен привозил его ежедневно в Клетогренаден в восьмом часу, там он дирижировал для удовольствия лотерек всего Лондона концертом, и с последним взмахом скрипета из слоновой кости незаметный полицейский вырастал из-под земли и не покидал князя до кабы, который без узника в черном фраке и белых перчатках». И чего Герцен так расхвалился? Он же пишет о человеке, находящемся в отчаянном положении. Любопытно, что Герцен вторично упоминает «скрипет из слоновой кости». У кого другого это могло быть признаком художественной скрупульности: цепляние за раз найденную выразительную подробность, но только не у Герцена — дирижерская палочка из слоновой кости крайне досаждает ему.

В последней части незавершенных мемуаров князь скрывается за псевдонимом «эр Вильямс», но идет так близко к своей подлинной биографии, что поселяет вернувшегося в Англию героя в городе, обозначенном буквой «Я». В английском алфавите такой буквы не существует, стало быть, не может быть и города на «Я». Но есть Ярославль, где поселился по возвращении на родину Голицын. Достаточно пробежать начало, чтобы убедиться, насколько живой Голицын совпадает с придуманным сэром Вильямсом. «Я, как вы знаете, англичанин. По рождению принадлежу к высшей английской аристократии. К несчастью, я лишился моей матери в первый период моего детства, а мой отец, служивший в военной службе и находившийся постоянно в походах, не имел возможности следить за мной в воспитанием, вынужден был оставить меня у родных покойной матери, которые, не сумев справиться с природной необузданностью моего нрава, нашли необходимым отдать меня в учебное заведение, в котором, однако, я не учился».

Спокойный, даже несколько ироничный к самому себе тон повести ломается, когда речь заходит об «ангеле»,красившем горестное бытие Вильяма и даже принесшем ему сына (чего с ангелами не бывает по причине их бесполости), едва не оплатив

собственной жизнью появление плода любви, не, освященной узами законного брака. Не менее пафосно переданы злоключения сэра Вильяма, художника, чье искусство не находит применения в ростовщическом мире. И хотя все это написано в приподнятой и неестественной манере Авдотьи Панаевой, в бедствиях сэра Вильяма отразилась горестная жизнь самого Голицына в Англии.

Ему катастрофически не везло. Впрочем, это невезение проявлялось безжалостными лондонскими дельцами, в чьи руки попал доверчивый и неопытный в практической жизни князь. Он был смел и находчив в романтических обстоятельствах жизни, когда звенела кровь в жилах, а не деньги. Его громкое имя, пышный титул, репутация первоклассного музыканта, быстро укрепившаяся в Лондоне, принесли ему выгоднейший, как понапалу казалось, контракт. Правда, до заключения этого контракта быстро промотавшийся на серых в яблоках князь успел побывать в «крепостной зависимости» у выжигающего антрепренера, которого он называет «хозяином», отказывая ему в имени на страницах своих воспоминаний. За три шиллинга в день хозяин получал князя в свою собственность. Трижды в день Голицын должен был дирижировать оркестром, где прикашут: в саду для гуляний, в концерте или на низкоПробном балу. Конечно, это было унизительно для такого большого музыканта, как Голицын, но в грубой поденщине таилось и хорошее: он отучился от своих барских замашек, от дорогих экипажей, нанятых в кредит, роскошных ужинов в долги, услуг многочисленной челяди и прочего баловства.

Но вот ему удалось вырваться из кабалы и подписать выгодный контракт с г. Кардуэлем, содержателем одного из лучших увеселительных садов Лондона — Sereigarden.

Если отечественные похождения Юрии Голицына зачастую просились в лесковские сказы, то лондонская пора достойна пера Диккенса, выпустившего в свет таких чудищ, как Урия Гил, Сквиры, Ральф Никльби, старикаша Феджин. Сановитый Кардуэль, денежный мешок и «настоящий джентльмен», как минлось проинициатору Юрге, подписал с ним соглашение от собственного лица и от лица своих незримых компаний на сорок концертов; сбор делился поровну между антрепренерами и Голицыным, который из своей доли оплачивал оркестрантов. В контракте была одна маленькая оговорка — Голицын не придал ей никакого значения: за первое выступление весь сбор идет Кардуэлю и К°.

Концерт происходил в огромном зале, построенном предпринимателем Голицыным по Серейгардену французским капельмейстером Жульеном, который сам деркал антрепризу. Голицыну довелось дирижировать в этом зале, вмещавшем восемь тысяч человек, вскоре по приезде в Англию. Он имел огромный успех, позволивший забыть о печальной судьбе Жульена. А князь был суеверен! Бедного Жульена довели до сумасшествия и гибели облагодетельствованные им музыканты: таких ставок, как у Жульена, нигде не платили. Но стояло Жульену чуть оступиться, и разбалованные, неблагодарные оркестранты ополчились на него и вогнали в гроб. Голицыну подобный казус не грозил: со смертью Жульена кончились сверхгонорары, платить стали

Юрий Николаевич ГОЛИЦЫН.

куда меньше прежнего, музыканты цеплялись за любую работу, и ничего не стоило с ходу набрать полный оркестр. Кардуэль, по профессии пивовар, явил щедрость и вкус, пригласив солистами двух виртуозов-гастролеров: скрипача Олебуля и пианиста Альбани. Меньше вкуса, но достаточно коммерческой сметки он обнаружил, украсив весь Лондон «двусильными» афишами, извещавшими о грандиозном концерте под управлением «Его королевского высочества принца Георгия Николаевича Голицына». «Сам бог послал мне вас, мой принц, взамен бедного Жульена, — едва удерживая слезы, говорил накануне концерта мистер Кардуэль. — Покойный был замечательным человеком, но как музыкант не годился вам в подметки». Зато как дельцы несчастный Жульен и сиятельный принц Георгий Голицын находились на одном уровне, который был неизмеримо ниже уровня «настоящего джентльмена» Кардуэля и его мифических компаний.

Концерт имел сумасшедший успех, билетов было продано вдвое больше, чем мест, люди забили проходы, стояли в дверях. Следующий концерт не состоялся.

Вскоре после утренней репетации над кронами старых дубов и молодых кленов Серейгардене повалил густой черный дым. Концертный зал горел, и мистер Кардуэль, брезгливо понюхав белые перчатки, пахнущие огнепальной смесью, не спеша отправился в страховую контору, где по счастливой случайности недавно застраховал свое увеселительное заведение на сумму, значительно превосходящую его стоимость. Поразительно, что в номере газеты «Экспресс», выходящем в три часа дня, появилось сообщение с места пожара, еще только набиравшего силу: «Пока мы пишем эти строки, Серейгарденская зала, в которой вчера был концерт под управлением принца Голицына, наполовину уже сгорела». Голицын прочел заметку, снял шляпу, перекрестился и сказал: «Да будет воля твоя».

Кардуэль и К° без труда отстроили заново свой театр, но контракта прежнего с Голицыным не возобновили. А заключили новый, согласно которому он получал уже не половину, а сорок процентов валового сбора. Игра нача-